

В основе всех статей раздела «Литература и фольклор» лежат доклады, прозвучавшие во время Всероссийской научной конференции «Фольклор – Литература – Народная культура», посвященной юбилею профессора ННГУ Клары Евгеньевны Кореповой и проходившей 23–24 мая 2024 г. в Институте филологии и журналистики ННГУ.

УДК 398.86

ПОЧЕМУ «МИЛЫЙ» В ЧАСТУШКАХ НАЗЫВАЕТСЯ «ЯГОДИНОЧКА»

© 2024

А.Ф. Некрылова

Некрылова Анна Федоровна, SPIN-код: 6657-8871, AuthorID: 108224, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Федерального бюджетного учреждения науки Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4), nekrylova@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 5.09.2024

Статья принята к публикации: 25.11.2024

В статье рассматривается одно из наименований ухажера, часто встречающееся в русских частушках, – ягодиночка. Раскрывается эротический подтекст слова, обусловленный наличием в сознании человека древних бинарных оппозиций верх/низ, желанное/неприемлемое, рожающее/умервляющее, страшное/смешное и т. п., что нашло отражение в традиционном сопоставлении головы и телесного низа, лица и зада (ритуализованная инверсия этих оппозиций, а также их «карнавальная» функция была изучена – пусть и на западноевропейском материале – еще М.М. Бахтиным). В статье разные смысловые оттенки подобного сопоставления эксплицируются и анализируются не только на примере частушек, но и на примере других жанров русского фольклора, смеховой культуры народных лицедеев, некоторых обрядовых практик.

Ключевые слова: русская частушка, именования ухажера (милого), эротика в фольклоре, комизм, обрядовое антиповедение, культура народных лицедеев.

Значительную, если не основную часть русских частушек составляют те, что описывают всевозможные нюансы отношений внутри сообщества неженатой молодежи. Это так называемые «любовные частушки». В них используются разные наименования того, кто нравится, кто полюбился: дрюля, милый/милая, милок, милашка, миленочек, ухажер, дружок, залёточка, забава, в том числе и ягодка, ягодинка, ягодиночка¹.

Ягодинка у калиточки
Часы простаивал,
Моё сердце успокаивал –
Своё расстраивал (Каргопольский р-н Архангельской обл.);

Эх, на реке, на льдиночке,
На самой серединочке,
Эх, напишу четыре строчки
Шуре-ягодиночке (Полновский р-н Псковской обл.);

Изменил – опять подходит:
Разрешите подойти?
Ой, да разрешаю, ягодиночка, –
Сторонкой обойти (Вологда);

Ягодиночка, ты молод,
Да и я травиночка.
Как ухаживать за вам,
Скажите, ягодиночка?... (Загорский р-н Московской обл.);

Проводил последний раз

¹ Приведенные примеры (количество подобных частушек из разных регионов России можно многожды увеличить) взяты из нескольких собраний; в скобках указывается место записи.

До дому ягодиночка.
Он пошел, а я сказала:
Зарастай, тропиночка... (Тверская обл.);

Эти елочки зеленые,
За елочками покос
Приневолил, ягодиночка,
Ходить за десять верст (Белозерье);

Неужели да неужели
Речка непротечная?
Неужели с ягодиночкой
Разлука вечная? (Северная Двина);

Закатилось красно солнышко,
Не станет больше греть,
Ягодиночка уехал,
Боле некому жалеть (Усть-Цилемский р-н);

Ягодиночка, женись,
Приду на вечериночку.
Веселых песен попою,
Не вырону слезиночку (Пошехонский р-н, Ярославской обл.).

Понятно, что «ягодиночка» – производное от «ягода», слова, которое, помимо прямого значения – «небольшой сочный плод кустарников и трав» (смородина, черника, земляника, клюква, малина, крыжовник и пр.), включает оценку вкусовых ощущений (сладкое/кислое/горькое), цветовых обозначений (красное/черное и пр.), связывается с представлением о чем-то мягком, красивом, желанном, любимом.

Не случайно, *ягодка* – уменьшительное, ласковое обращение к ребенку. Например, в колыбельной:

Спи-ко, ягодинка,
Принаписана картинка.
Баю-бай.
Принаписаной патрет –
Лучше наших деток нет!
Баю-бай! [Якубовская 2021, с. 43].

В словаре В.И. Даля отмечено: «“ягодка моя” – ласка, привет девушке» [Даль 2014, с. 7572]. В таком смысле *ягодка*, *ягодиночка* (*ягодинка*) как обозначение «милого» или «милой» вполне закономерно.

Оба слова – *ягодка*, *ягодиночка* – могут относиться и к парню, и к девушке (к девушкам реже).

Поиграй повеселее,
Ваня, розовый букет!
Ты кому, такая ягодка,
Досталася навек? [Адоньева 2006, с. 155];

Ягодиночку имею,
Много горяшка несу,
Сам посвататься не смею,
Замуж брать ее хочу [Адоньева 2006, с. 284].

В гнездо слов, родственных лексеме «ягода», также входят *ягодница*, *ягодища*. Первое, *ягодница*, имеет прямое отношение к основному значению слова «ягода»: собирательница ягод или торгующая ими; также кушанье из раздавленных ягод. Второе слово – *ягодища* – означает выпуклую часть тела человека между поясницей и бедрами («седалище»), а в говорах еще и часть лица – щеку – или женскую грудь. Слово с такими значениями образовалось по принципу метафорического переноса на основе сходства по внешнему виду, по форме: выпуклое, округлое, и отчасти по качеству: мягкое. *Ягодиночка*, в свою очередь, включило в орбиту своих значений такие признаки и ягоды и ягодиц, как

привлекательность, желанность². Заметим: во всех случаях присутствует прямой или завуалированный эротический подтекст. Об этом же говорит, например, известная загадка о ягоде (другая отгадка – орех):

Росло-повыросло,
Из портков (из кустов) повылезло,
С кончика (На кончике) залупилось,
Красным девкам полюбилось (пригодилось)

[Митрофанова 1968, № 1863, с. 69].

Или частушка, вроде следующей:

Ягодинка, ягодка,
Далеко укатилась,
Без тебя, мой дорогой,
Со всяким находилась [Адоньева 2006, с. 426].

Даже в колыбельной песне иной раз за словом «ягодка» просвечивает эротический намек:

А ягод(ы)ка –
Водились два год(ы)ка.
Бай-бай.
А на третьей-от годок
У матки будёт паренёк [Якубовская 2021, с. 43].

В одинаковом обозначении части лица и задней части туловища человека (ягодица) отражено древнейшее сопоставление верха/низа как одной из основных оппозиций в традиционной картине мира, где верх обычно наделяется положительными признаками (хороший, благополучный, жизненный, чистый), а низ – признаками негативными (плохой, неблагополучный, грязный, смертельный). В такой системе координат человеческое тело рассматривается как состоящее из двух частей, оценивающихся прямо противоположно: чистое, духовное – верхняя часть (до пояса) – и нечистое, греховное – всё, что ниже пояса. В то же время имеет место и неоднозначность: и голова бывает дурной (сравнение с пустым горшком, тыквой), с дьявольскими мыслями, и низ осмысливается как рождающее начало, связанное с плодородием, продолжением жизни. Разделению всегда противостоит единство «высокого» и «низкого». И то, и другое подчиняется идее принципиальной неразъединенности жизни и смерти, вечной метаморфозности и обновляемости.

Сопоставление головы и зада, а также замещение лица задом, – мотив, используемый, обыгрываемый едва ли не на всех уровнях традиционной культуры: в лексике, фразеологии, в кинетике (ритмике, пластике, жесте), обрядовом и зрелищно-игровом поведении, в изобразительном искусстве.

Естественно, сопоставление может принимать черты смеховые в виде нелепиц, перевертышей, комических оксюморонов, веселой, озорной эротики и пр., но может использоваться с целью устрашения, издевки, унижения. Что касается ягодиц, то, с одной стороны, эта часть тела часто упоминается в шутиловом или положительном ключе, а с другой – выступает как традиционный объект побоев.

«Всезнающая» Википедия справедливо отмечает: «В сфере человеческой психики ягодицы имеют особую семантическую окраску, поскольку служат знаком индивидуальности, сексуальности, территориальной агрессии и маркировки, подчинения, игры и юмора»³.

В зависимости от контекста этот элемент тела расценивается то как «непристойный», «отталкивающий», то как притягивающий, волнующий, даже похожий на перевернутое сердечко. В Интернете на разных сайтах приводятся слова итальянского анатома и хирурга Адриана Спигеля (Спигелия, Шпигеля; 1578–1625), который, как подтверждают историки медицины и анатомии, «видел в ягодицах природную подушку человека, "сидя на которой, человек может праведно и усердно предаваться размышлениям о божественном" (однако на самом деле, это было шуткой, которую

² В Толковом словаре В.И. Даля зафиксировано: ягода – «мелкий, мякотный плод»; ягодки (владим.) – «верхняя часть щеки, верхние скулы»; ягодица (новгор. и сиб.) – щека, скула и «задница, ягодичные мышцы, или сиденье; сосец, сосок женской груди» [Даль 2014, с. 7573].

³ URL: <https://web.archive.org/web/20111102212044/http://ru.wikipedia.org/wiki/Ягодицы> (дата обращения 21.08.2024).

восприняли всерьез. Интересен тот факт, что этой фразой Спигелий вошел в историю» [Мифологизмы и библеизмы 2021, с. 5].

Соотношения верха и низа, спроецированные на человеческое тело и сопровождающиеся как инверсией, так и симметрией, нашли выражение в пословицах, поговорках, идиомах:

Где зад, где перед – никто не разберет.

С ног на голову.

По заднице бьют, чтоб голова работала.

В лицо плюют, а ж...у лизнут.

Душа божья, голова царская, ж...а барская⁴

[Афанасьев 1997, с. 491].

Нос крючком, голова сучком, ж...а ящичком

[Афанасьев 1997, с. 499].

Голова болит, так ж...е легче (примета)

[Афанасьев 1997, с. 510].

Шуточные тексты, построенные на этом же принципе, известны не только традиционной, но и современной культуре (разумеется, в ее смеховом изводе). Вот, например, бытующий в сети стихотворный диалог «под басню»:

Лицо спросило как-то ж...у:

– Скажи мне, милая, как так,

Что ты румяна и упруга,

Я ж вся в морщинах и слезах?

В ответ ей ж...а: «Понимаешь,

Секрет простой, чего скрывать?

Ты вечно всё переживаешь,

А мне всегда на всё наср...ть!» [Стишок].

Наиболее часто и разнообразно сопоставление и противопоставление лица и зада встречается в поведении шутов, глумцов, в тех формах игрового поведения, которые принято относить к области смеховой культуры, точнее, к антиповедению, где в изобилии использовались и используются эротически окрашенные жесты, направленные на осмеяние, унижение, оскорбление, наказание персонажей. В рамках антиповедения, погружающего лицедеев и зрителей в абсурдный мир «навыорот», в ситуацию праздника дураков, с их бесчинствами, превалировала логика «от обратного», с ее главной установкой на выворачивание мира наизнанку.

Таковыми были обычные, скажем, для русских скоморохов кувыркания с оголением зада, надевание маски на задницу, разрисовывание ягодиц (изображение глаз на обеих половинах)⁵. В челобитной нижегородских священников, поданной в 1636 г. патриарху Иоасафу I, про святочных ряженных сказано: они «срамная удеса в лицах носяще» [Рождественский 1902, с. 24–25].

Мена верха и низа, «замещение лица задом («обратным лицом», «лицом наизнанку») – излюбленный развенчивающий жест», характерный и для европейских глумотворцев, шутов в условиях карнавальных бесчинств [Даркевич 1988, с. 159]. По словам М.М. Бахтина, «мировая литература и языки очень богаты разнообразнейшими вариантами этого замещения лица задом и верха низом», ученый приводит примеры из романа Франсуа Рабле о Гаргантюа и Пантагрюэле, средневекового сказания о Соломоне и Маркольфе, популярнейшего во Франции «Roman du Fauvel» (XIV в.) [Бахтин 1990, с. 414].

На территории России в уличной кукольной комедии популярностью пользовалась сценка, где Петрушка осматривает только что приобретенную у цыгана лошадь, желая узнать, сколько ей лет, молода она или стара. При этом голову лошади он ищет под хвостом, который принимает за гриву.

Петрушка. Тпру, тпру, тпру, сивая, паршивая, короставая. (Хватает лошадь за хвост). Музыкант!
Что ж это такое? Лошадь голову потеряла, одна грива осталась!

⁴ Поговорка о крепостных.

⁵ См. гравюру из дневника Адама Олеария (1630-е годы). Описание и воспроизведение гравюры в: Ровинский, т. V, с. 224–227.

Музыкант. Дурак, ты не с того боку зашел [Тиханов, л. 49–52].

Петрушка (начинает осматривать лошадь с крупы и в удивлении спрашивает Цыгана). Слушай, Цыган, а где ж у твоей лошади голова?

Цыган. Ведь ты взял ее задом наперед [Тиханов, л. 13-15; Тиханов, л. 54-60].

Сходный прием использовался и в изобразительных видах искусства с той же снижающей, осмеивающей функцией.

В маргинальных иллюстрациях западноевропейских средневековых рукописей есть изображение модницы, стоящей у зеркала, в котором отображается не лицо ее, а зад [Даркевич 1988, с. 159].

Русская лубочная листовая картинка «Бык не захотел быть быком да и сделался мясником» из серии «забавные листы» [Ровинский 1881, кн. 1. № 176, с. 412–413] представляет собой небылицу, текст которой состоит из набора оксюморонных сочетаний, среди которых есть и построенные на сопоставлении верха/низа, в том числе голова/зад: «Ученик мастеру за то ж...у бьет, что науки долго не переймет».

Заголение часто служило ярким, сильнее всего наглядным оскорблением. Русское ругательство «поцелуй меня в зад» – лучшее тому подтверждение⁶. С давних пор такой прием использовался на войне. Историческая песня XVI в. о взятии Казани войском Ивана Грозного запечатлела эпизод, в котором татары со стен осажденного города глумятся и издеваются над противником: «Заголя своё гузёнычки показывают: / Еще вот те, государь, наш Казань-городок, / Не видать тебе Казани, как ушей на голове» [Истор. песни, № 50, ст. 16–18]. О такой же нарочитой демонстрации задницы противнику (спустя четыре столетия!) вспоминал Д.Ф. Лоза, танкист, воевавший во время Великой Отечественной войны на британском танке «Матильда», полученном по ленд-лизу⁷.

В некоторых случаях дерзкая, бранная и циничная эротика смехового мира соотносилась с древними представлениями о потустороннем мире и в глазах христианина граничила с кошунством, святотатством. Существовала и вера в реальную возможность замены лица задом, что воспринималось как дьявольское навождение, как злые проделки дьявола. Известно, что всякого рода потешников, особенно тех, кто предпочитал смеяться злорадно, сближали с представителями «иномирья», им приписывались сверхъестественные способности, в частности, наведение болезни, слеза, сумасшествие, мороки. Так, в «Книге о чудесах св. Сергия», составленной Семеном Азарьиным в середине XVII в., рассказывается, как скоморохи (глумотворцы) напустили порчу на женщину так, что «лице ее обратися в тыл»⁸.

В Западной Европе с XI века Сатана и его слуги-демоны «чаще всего изображаются нагими, черными, волосатыми и безобразными; как и у него, у них на той или иной части тела – обычно это низ живота или зад – имеется второе или даже третье лицо в форме маски: подобно их настоящему лицу, оно также искажено гримасой» [Пастуро 2017, с. 42]. По утверждению М.М. Бахтина, «круг мотивов и образов обратного лица и замещения верха низом теснейшим образом связан со смертью и преисподней» [Бахтин 1990, с. 418].

Интересно, что, по народным представлениям, ягоды могут быть связаны с бедой, болезнью и даже смертью. И не только ядовитые ягоды, что объяснимо, но ягоды «вообще». Напомню: в сонниках утверждается, что увидеть ягоды во сне – к слезам, к горю. Напомню и загадку с отгадкой «смерть»:

⁶ «Одна из простейших и распространеннейших словесных и жестиколюляционных вариаций – поцелуй в зад» [Бахтин 1990, с. 414].

⁷ «Группа из десятка гитлеровцев вышагивала по полю левее дороги. Видя, что мы не стреляем, два верзилы из этой группы остановились и, спустив штаны, начали показывать нам свои задницы. Дескать – на, выкуси! Немец – в коломенскую версту ростом – даже ухитрился, наклонившись, просовывать голову между расставленных ног и довольно, с захлебом, ржать...» Для наших солдат «такой “показ” является оскорблением самой высокой степени». Командир орудия несколько раз просил: «Ротный, разреши, я им засажу!» Ротный его успокаивал: «Не будешь же ты по каждой ж...е бить бронебойным, да и осталось их 15–17 штук <...>. Ободренные безнаказанностью, “артисты” вошли в раж. Какие только “коленца” они не выдавали! И задом, и передом...» И все же в конце концов терпение русских солдат кончилось, по глумящимся немцам выстрелили из танка. Самый главный «актер» был убит, остальные разбежались [Лоза 2005, 16–17].

⁸ «И приступиша глумотворцы тии к Наталии, просяще мзды своего глумления. Она же отврати от них лице свое благоумное и отрече имъ: глумления вашего зрѣти не хочу и игры бѣсовския не слушаю и денегъ не дамъ. Они же окаяннии, наполнившеся бѣсовскаго духа и разпыхавшеся на нея, отъидоша, похвалившесяи нѣкимъ дияволскимъ ухищрением испортившие ея, наведоша на нея болѣзнь люту, яко и лице ея обратися в тыл» [Клосс 1998, с. 489].

Ходит Хам
По горам,
Берет ягоды
С грибам [Митрофанова 1968, № 1634, с. 61].

Кстати, в немецком языке *beere* – ягода, а однокоренной глагол *beerdigen* означает «хоронить, погребать».

Отношение к ягодицам в народе, ожидаемо, отнюдь не однозначное, смыслы, заложенные в это слово и обозначаемые ими предметы, принадлежат двум полюсам, которые соединены единым представлением о магической действенности человеческого зада и гениталий.

Что касается ягодиц, шире – телесного низа, то, помимо веры в опасную, дьявольскую их природу, бытует и противоположное верование: озорной смех, обрядовое сквернословие, ритуальное оголение содействуют плодородию всего живого в обществе и природе, способствуют обновлению, росту, преобразению⁹. Этому посвящена статья В.Я. Проппа о древнейшей подоснове сказки про царевну Несмеяну [Пропп 1976, с. 174–204]: оживляет, возвращает к жизни царевну (героиню) смех, который вызван непристойным, неприличным жестом. В античном мифе – по отношению к Деметре – жест обнажения служанки Ямбы, в случае с русской царевной Несмеяной – ее заголение (показ интимных «примет»), т.е. магия смеха и магия заголения служат созданию, зарождению и продолжению жизни. Показ низа вызывает смех – смеется лицо. Именно такое понимание превалирует в производном от «ягодиц» и «ягоды» частушечном слове «ягодиночка».

В завершение хочется привести два текста, в которых оба значения «ягодиночки» очевидны даже без называния этого верх-низового слова-перевертыша. Первый текст – это широко распространенная на российских просторах частушка:

Сидит милый на крыльце
С выраженьем на лице.
Выражает то лицо,
Чем садятся на крыльцо.¹⁰

А второй текст представляет собой эпиграмму А.С. Пушкина на И.Н. Ланова – кишиневского чиновника, постоянно ссорившегося с поэтом:

Бранись, ворчи, болван болванов,
Ты не дожدهшься, друг мой Ланов,
Пощечин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа,
Что только просит киселей [Пушкин 1956, т. 2, с. 134].¹¹

ADDENDUM

В том же ракурсе, как нам представляется, можно рассмотреть и некоторые другие народные именованья милого. К примеру, «залеточка» – здесь просматривается глагол «залететь» в смысле случайно забеременеть, и одновременно улавливается древнейшая связь с нашими сказочными птицами-женихами – Финистом Ясным Соколом, с песенным соловьем, который кукушку уговаривал, и где-то за далеким античным горизонтом – с Амуром и Психеей

«**Забава**», «**забавушка**» – включает значения «любить(ся), забавлять(ся), тешить(ся), увлекать(ся), услаждать, ублажать». Может быть, не случайно в былинах Забава Путятишна – не жена князя Владимира, а его дочка или племянница на выданье (см. сюжеты «Добрыня и Змей», «Ставр Годинович», «Идолище сватает племянницу князя Владимира», «Соловей Будимирович»).

«**Матаня**» – скорее всего, существует связь с глаголом «мотать(ся)» с уточнением: «шататься беспутно»; в говорах «матаситься» = ломаться, кривляться, а «матас» — шут, фигляр.

⁹ «Материально-телесный низ продуктивен» [Бахтин 1990, с. 419].

¹⁰ Смягченный вариант частушки записан в Угличском р-не Ярославской обл.: «Сидит милый на крыльце / С удивленьем на лице, / А у милого лицо / Занимает всё крыльцо» [Углич 1974, с. 182].

¹¹ В народе, «дать киселя» – вытолкать коленкой; поддать под зад коленом.

Вероятно, в том же (около-, смутно-эротическом) ключе можно рассмотреть и народное именование Марии Магдалины, которую в день ее памяти (нынче 4 августа) называют ягодница, поцелуйница, сладостница. И не только потому, что это пора собирания ягод, но и в память о том, что она была грешницей, красивой блудницей.

Источники

- Адоньева 2006** – Деревенская частушка XX века. Сост. С.Б. Адоньева. СПб., 2006.
- Афанасьев 1997** – Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. М., 1997.
- Даль 2014** – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2014.
- Истор. песни 1960** – Исторические песни. XIII–XVI вв. Изд. подгот. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. М.-Л., 1960.
- Клосс 1998** – Клосс Б.М. Избранные труды. Том 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
- Лоза 2005** – Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». М., 2005.
- Митрофанова 1968** – Загадки. Изд. подгот. Митрофанова В.В. Л., 1968.
- Пушкин 1956** – Пушкин А.С. Полное собр. соч. В 10 т. Т. 2. М., 1956.
- Ровинский 1881** – Русские народные картинки. Собрал и описал Д.А. Ровинский. Кн. I – V. СПб., 1881.
- Садовников 1901** – Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Составил Д. Садовников. СПб., 1901.
- Стишок** – Стишок № 583371 // Анекдоты из России. URL: <https://www.anekdot.ru/id/583371/> (дата обращения 21.08.2024).
- Тиханов** – Тиханов П.Н. РО РНБ. Фонд 777, оп. 1, № 188.
- Углич 1974** – Угличские народные песни. Сост.-ред. И.И. Земцовский. М.-Л., 1974.
- Якубовская 2021** – Золотая веточка: Детский фольклор Каргопольского и Коношского районов Архангельской области. Сост., подгот. текстов, нотации, ст., коммент. Е.И. Якубовской. СПб., 2021

Литература

- Бахтин 1990** – Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Даркевич 1988** – Даркевич В.П. Народная культура Средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. М., 1988.
- Мифологизмы и библеизмы 2021** – Карасов И.А., Айрапетян А.А., Умаров А.Х., Колесникова Ю.А. Мифологизмы и библеизмы в медицинской терминологии // LVII Международная научная медицинская конференция «Современные медицинские исследования». Сборник статей конференции. Кемерово, 2021. С. 4–7.
- Пастуро 2017** – Пастуро Мишель. Черный. История цвета. М., 2017.
- Пропп 1976** – Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 174–204.
- Рождественский 1902** – Рождественский Н.В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1902. Кн. 2.

WHY IS THE ADMIRER CALLED "A BUTTOCK" IN DITTIES

Anna F. Nekrylova

Institute of Russian Literature (the Pushkin House),
Russian Academy of Sciences

The article examines one of the nominations of an admirer (a suitor) frequently found in Russian folk ditties (chastushkas) – “yagodinochka” (derived simultaneously from homonyms – old-fashioned “cheek” and “buttock”). The author reveals the erotic undertone of the word, caused by such ancient binary oppositions in human consciousness as top/bottom, desirable/unacceptable, giving birth/killing, terrible/funny, etc. All this found reflection in traditional comparison of the head and the lower body, the face and the buttock (the ritualised inversion of these oppositions, as well as their ‘carnival’ function, was studied – albeit on Western European material – by M.M. Bakhtin). The article explores various semantic nuances of such a comparison as they are manifested in different genres of Russian folklore, in the comic culture of folk performers, and in certain ritual practices.

Keywords: Russian chastushka (folk ditty), nomination of an admirer (a suitor), eroticism in folklore, comic, ritual anti-behavior, culture of folk performers.